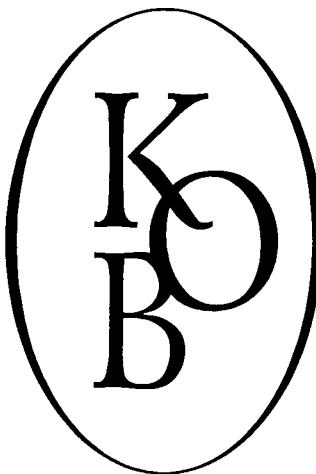

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Отделение историко-филологических наук

КЛАССИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Серия основана в 2001 году

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
С.Л.Тихвинский (председатель)
В.М.Алпатов
Г.М.Бонгард-Левин
А.Б.Куделин
Е.И.Кычанов
М.С.Мейер
В.С.Мясников
Б.Л.Рифтин
Р.Б.Рыбаков

Б.Я.Владимирцов
(1884–1931)

Б.Я.ВЛАДИМИРЦОВ

Работы
по
литературе
монгольских
народов

МОСКВА

Издательская фирма
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН
2003

УДК 821.51.0
ББК 83.3(0=Мон)9
Б57

Редколлегия

В.М.Алпатов (председатель), *С.М.Аникеева, М.И.Гольман,*
И.Я.Златкин, Г.И.Михайлов, Г.Д.Санжеев,
Г.И.Слесарчук, В.М.Солнцев, А.Д.Цендина

Составители
Г.И.Слесарчук, А.Д.Цендина

- Владимирцов Б.Я.**
Б57 Работы по литературе монгольских народов / Б.Я. Владимирцов ; Редкол.: В.М. Алпатов (пред.) и др. ; Сост. Г.И. Слесарчук, А.Д. Цендина. — М. : Вост. лит., 2003. — 608 с. : факс. — (Классики отечественного востоковедения : Осн. в 2001 г. / Редкол.: С.Л.Тихвинский (пред.) и др.). — ISBN 5-02-018185-4 (в пер.).

В книгу, являющуюся одним из выпусков серии «Классики отечественного востоковедения», включены крупные литературоведческие работы акад. Б.Я.Владимирцова (1884–1931): «Монголо-ойратский героический эпос», «Монгольский сборник рассказов из Раіссаантра», перевод сказок «Волшебный Мертвец», а также статьи по истории монгольской и ойратской народной литературы (в 2002 г. в этой же серии опубликованы «Работы по истории и этнографии монгольских народов» Б.Я.Владимирцова).

ББК 83.3(0=Мон)9

ТП-03-1-191
ISBN 5-02-018185-4

© Институт востоковедения РАН, 2003
© Российской академия наук и Издательская фирма
«Восточная литература», серия «Классики отечественного
востоковедения» (разработка, оформление),
2001 (год основания), 2003

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Институт востоковедения РАН продолжает издание сочинений крупнейшего российского монголоведа академика Бориса Яковлевича Владимирцова. Уже опубликованы труды по истории и этнографии Монголии¹. В настоящий том включены литературоведческие и фольклористические работы ученого.

Споры о том, кто был Б.Я.Владимирцов больше — историк, литературовед или лингвист, порождены, с одной стороны, его универсализмом, и с другой — высочайшим профессионализмом в каждой из дисциплин. Литературоведческое наследие, публикуемое ныне, тому подтверждение. Оно насчитывает 16 крупных и мелких работ по монгольской литературе и эпосу, хотя мысли и рассуждения литературоведческого характера содержатся и в других книгах и статьях Б.Я.Владимирцова.

Несмотря на то что большую часть работ Б.Я.Владимирцова по литературе и фольклору занимают переводы известных произведений письменной и устной словесности монгольских народов, во введениях к этим переводам, а также в статье «Монгольская литература» Б.Я.Владимирцов сумел поднять все фундаментальные проблемы, которые до сих пор составляют главный предмет размышлений монголистов-литературоведов. Это вопросы взаимодействия монгольской литературы и фольклора, литературных связей Монголии, национальной самобытности монгольской литературы, формирования ее жанровой системы, соотношения религиозной и светской словесности, происхождения эпоса. Именно данное обстоятельство позволяет говорить о Б.Я.Владимирцове как об основоположнике современного монгольского литературоведения, поднявшем его на новый уровень — от конкретных текстологических и филологических исследований к аналитическим обобщениям.

Внутри тома работы располагаются в хронологическом порядке. Тексты работ Б.Я.Владимирцова публикуются без сокращений или изменений. Унификация проведена лишь в отношении ссылочного аппарата. Библиографические сноски заново проверены, «глухие» ссылки, насколько возможно, заменены точными. Библиографические описания в «Библиографии монгольской сказки», «Монгольском сборнике рассказов из Раңсатантра», «Волшебном Мертвце», предисловии к «Очерку монгольской литературы» Б.Лауфера сохранены в том виде, в котором они были даны в прижизненных изданиях Б.Я.Владимирцова, и не включены в раздел «Библиография». Библиографический аппарат расширен за счет дополнительных ссылок на современные исследования. Все дополнения такого рода заключены в угловые скобки.

¹ Владимирцов. Работы по истории.

Работы Б.Я.Владимирцова публикуются в современной орфографии. Сохранена авторская система транскрипции. Издание снабжено указателями: имен, географических и топографических названий, этнических названий, названий сочинений. Данна библиографическая справка — список работ, помещенных в томе, с указанием их публикаций.

Из числа работ Б.Я.Владимирцова, которые можно с той или иной долей приближения назвать литературоведческими, в настоящее издание не включены «*Bodhicaryāvatāra*» Çantideva, содержащая только монгольский перевод Чойджи-Одзера, и «Образцы монгольской народной словесности», состоящие исключительно из текстов в фонетической транскрипции.

Данный том был подготовлен в конце 1970-х годов, но, к сожалению, тогда не увидел свет. В нем указан состав редакционной коллегии, под руководством которой тридцать с лишним лет назад готовилась публикация трудов Б.Я.Владимирцова. Сохранена вступительная статья ведущего монголиста того времени Г.И.Михайлова «Литературоведческие и фольклористические труды Б.Я.Владимирцова». Тем самым мы отаем дань уважения крупному ученому, сделавшему немало для того, чтобы сочинения Б.Я.Владимирцова увидели свет. Для подготовки настоящего издания была создана новая редакция.

Текст издания подготовлен Г.И.Слесарчук и А.Д.Цендиной. Примечания (в угловых скобках) сделаны Г.И.Михайловым и А.Д.Цендиной. Компьютерный набор текстов на старописьменном монгольском и тибетском языках осуществлен А.Д.Цендиной.

Редакционная коллегия выражает глубокую признательность всем коллегам, оказавшим помочь при подготовке настоящего издания.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ
И ФОЛЬКЛОРИСТИЧЕСКИЕ ТРУДЫ
Б.Я.ВЛАДИМИРЦОВА

О широте научных интересов Бориса Яковлевича Владимирацова хорошо известно. Много внимания уделял он и изучению литературы и фольклора монгольских народов, о чем достаточно убедительно свидетельствуют его труды, собранные в данном томе. К числу крупных работ Бориса Яковлевича в этой области следует отнести «Монголо-ойратский героический эпос», «Монгольский сборник рассказов из Раіссаантра» и очерк «Монгольская литература».

В книге «Монголо-ойратский героический эпос» содержатся переводы шести ойратских былин, записанных самим Б.Я.Владимирацовым во время его поездок в Северо-Западную Монголию в 1911 и 1913–1915 гг. Перевод осуществлен на надлежащем филологическом уровне со свойственной Борису Яковлевичу скрупулезностью. До сих пор его перевод остается непревзойденным, при исследовании ойратских былин на него можно опираться столь же уверенно, как и на оригинал.

Своим переводам Б.Я.Владимирацов предпослав обстоятельное предисловие, посвященное исследованию не только публикуемых в переводе былин и ойратского героического эпоса, но и былинного эпоса монгольских народов вообще. В этой части автор предисловия высказывает интересные суждения о бурятских улигерах, калмыцком «Джангаре», халхаских былинах и былинах внутренних монголов, популярной Гэсэриаде.

Б.Я.Владимирацов отмечал архаический характер произведения бурятского былинного эпоса и своеобразие циклизации песен о Джангаре и его богатырях. Говоря о героическом эпосе халхасов и внутренних монголов, Борис Яковлевич констатирует наличие у них былин, опровергая тем самым укоренившееся тогда среди востоковедов мнение о том, что монголы забыли героический эпос. Вместе с тем Б.Я.Владимирацов пишет, что в этих районах сохранились только остатки былых крупных произведений. Справедливость этих высказываний не вызывает сомнений.

Отдает должное ученый и знаменитой Гэсэриаде. Он отмечает исключительную популярность этого произведения в монгольской среде и ставит его рядом с греческой «Илиадой». Справедливо замечание Бориса Яковлевича о связи Гэсэриады с Джангариадой.

Интересно наблюдение Б.Я.Владимирацова о бытовании ойратских былин. «В некоторых монастырях Северо-Западной Монголии, — пишет он, —

рассказывают легенды о том, что тот или другой богатырь, хорошо известный по той или другой эпопее, перерождается теперь, как святой лама, в том или другом монастыре¹.

Это любопытное явление, т.е. обожествление былинных баторов в ойратской среде, Б.Я.Владимира подметил первым. Необходимо лишь заметить, что обожествление эпических героев не представляется явлением сугубо ойратским. Благоговейное отношение к Гэсэр-хану и Гэсэриаде у бурят описывал еще М.Н.Хангалов. Такое же отношение к этому герою наблюдалось и у халха-монголов. Известны некоторые поверья калмыков и ойратов, связанные с Джангар-ноёном. Применительно к Гэсэр-хану можно говорить даже о его культе. Причем обожествление этих героев никак не связано с ламаизмом. Гэсэр-хана нельзя считать буддийским героем².

Естественно, главное место в предисловии занимает ойратский героический эпос. Автор его сообщает много интересных и ценных сведений о бытованиях былин, их исполнителях, о школах и обучении былинников, о порядке вступления их в ряды исполнителей, об обстоятельствах, связанных с признанием их певцами, и т.п. Б.Я.Владимира был одним из первых на этом пути, пути изучения становления сказителя ойратских былин.

Как ни интересны эти сведения, наибольший интерес представляет, конечно, анализ самих произведений. Многие высказывания Бориса Яковлевича о тематических и художественных особенностях ойратских былин сохранили свое значение до наших дней.

Б.Я.Владимира установил наличие у ойратов трех групп, или типов, былин. К первой группе он относит те былины, «в которых если не главными героями, то все же важными персонажами являются небесные силы, духи; герои ведут борьбу, слушаясь велений неба; они сами или сыновья этого неба, небесных духов, или сами перевоплотившиеся на земле духи»³. Действительно, главные герои то и дело заявляют, что их отец — Вечное Синее Небо, а мать — Користая Великая Золотая Земля. Так же выглядят и герои эпоса других монгольских народов. Один из бурятских героев утверждает, что его сотворил сам Эсэгэ-малаан, глава бурятского Олимпа. А Гэсэр-хан, сын Хурмаст-тэнгрия, — перевоплотившийся на земле небожитель.

Вторую группу былин, по мнению Бориса Яковлевича, составляют те, в которых описываются богатыри, «их подвиги и приключения, порой чудесные, фантастические... их борьба с различными соперниками и врагами, тоже порой волшебными, чудесными; им помогают, им дают советы духи и святые; но все-таки мир, описываемый, изображаемый в этих эпопеях, — мир людей, тот самый мир, в котором живут теперь потомки этих славных и мощных воителей»⁴. Как пишет Б.Я.Владимира, былины такого типа преобладают в репертуаре ойратских исполнителей, пользуются у слушателей наибольшей популярностью.

¹ Владимира. Монголо-ойратский эпос, с. 27. См. также наст. изд., с. 344.

² Об отношении ламства к Гэсэриаде см.: Дамдинсурэн. Гэсэриада, с. 168–169.

³ Владимира. Монголо-ойратский эпос, с. 41–42. См. также наст. изд., с. 357.

⁴ Там же, с. 43. См. наст. изд., с. 358.

Третью группу былин ученый называет былинами-новеллами. «Их не так много, их не так любят, они не вызывают при своем исполнении таких сильных эмоций у слушателей, как „настоящие“ героические эпопеи»⁵.

Классификация Владимирцова отражает не только современное ему состояние былинного эпоса ойратов, но и этапы его развития. Говоря о первой группе былин, Борис Яковлевич замечает: «По-видимому, эпopeи такого рода до сих пор сохраняют отголоски старой, шаманской ойратской, быть может, и общемонгольской мифологии»⁶. Мифология действительно была питательной почвой для былинного эпоса монгольских народов, и эволюция былин сопровождалась постепенной утратой мифических элементов, «приземлением» батиров, «очеловечением» мангасов, сближением с реальной действительностью.

Ценность и справедливость этих и многих других высказываний Бориса Яковlevича не вызывали ни у кого сомнений. Спорными и противоречивыми представляются его высказывания о происхождении ойратского героического эпоса, давшие основание некоторым авторам причислять Б.Я.Владимирцова к сторонникам исторической школы фольклористики. В частности, он неоднократно писал о том, что создателем героического эпоса ойратов явилась ойратская аристократия⁷. На самом деле полностью считать Б.Я.Владимирцова приверженцем теории аристократического происхождения фольклора нельзя. Дело в том, что он находил современное ему ойратское общество патриархальным, с крайне слабым классовым расслоением. Поэтому если сказители и происходили из знати, то они выражали «народные монгольские идеалы, чаяния, народные представления о „настоящей“, прекрасной жизни»⁸.

Надо отметить, что в немалой степени на формирование идеи об аристократии как о создателе ойратского эпоса повлияло знакомство Б.Я.Владимирцова с Парчин-тульчем, от которого он и записал большинство былин. Парчин-тульч был необычным исполнителем. Он принадлежал к аристократической среде, был человеком начитанным. Б.Я.Владимирцов сообщает, что Парчин-тульч заучил «Повесть о Хан-харангуе» по рукописи. Вероятно, попадали в его руки и другие рукописи такого же типа. Следует учитывать, что Парчин-тульч был одно время монахом, знал буддийский канон и духовную литературу вообще.

Буддийский налет, о котором писал Б.Я.Владимирцов в предисловии к своему переводу ойратских былин, у Парчин-тульча весьма заметен. И другие былинники упоминают (чаще всего в зачине) ламаистских святых, а у этого исполнителя таких упоминаний гораздо больше. Некоторые ламаистские святые у Парчин-тульча выступают в качестве действующих лиц. Это богини дар-эк, будда-наставник. Упоминаются три спасительные драгоценности ламаитов (Будда, его учение и его служители), чаще обычного говорится о Ганджуре и Данджуре. А невесты батиров в приданое кроме обычных для других произведений предметов получают монастыри с монахами.

⁵ Там же, с. 43. См. наст. изд., с. 359.

⁶ Там же, с. 42. См. наст. изд., с. 357.

⁷ Там же, с. 25. См. наст. изд., с. 327.

⁸ Там же, с. 48. См. наст. изд., с. 364.

Столкнувшись с таким репертуаром, Владимирцов сделал вывод о том, что эти былины подверглись обработке в среде аристократов. Разнообразие художественных достоинств произведений репертуара Парчин-тульча наводит на мысль, что он воспроизводил былины в том виде, в каком усвоил их у своих учителей. Понесчастливилось Парчину встретиться с хорошим мастером, усвоил он хорошо сохранившееся произведение. В других же случаях приходилось ему довольствоваться менее совершенными былинами. Поэтому рядом с былинами «Бум-Ердени» и «Дайни-Кюрюль», состоящими соответственно из пяти и десяти тысяч строк, соседствуют былины «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмор-Зеве» (тысяча двадцать строк), «Ергиль-Тюргюль» (тысяча семьсот двадцать строк) и «Шара-Бодон» (тысяча четыреста строк).

Крупных трудов, посвященных исследованию литературы монгольских народов, у Владимира нет, но ряд сравнительно небольших работ его следует считать ценным вкладом в монголоведное литературоведение. Можно даже сказать, что с этих работ начинается монголоведное литературоведение, поскольку предшественники и современники Бориса Яковlevича занимались преимущественно более узкими филологическими штудиями. В разное время Б.Я.Владимира высказывал интересные соображения об общем характере монгольской литературы, о литературных связях, о периодизации истории монгольской литературы, о связи ее с народным устным поэтическим творчеством и т.п.

Наличие у монгольских народов богатого, развитого фольклора не вызывало ни у кого никаких сомнений, а научные представления об их литературном наследии складывались в течение многих и многих лет. Приступая к исследованию путей развития старой монгольской литературы, Б.Я.Владимира столкнулся с необходимостью доказывать ее существование. «Монгольская литература, — писал он, — очень мало известна, ее плохо знают и сами монголы, и европейцы, даже посвятившие себя изучению Востока. Поэтому у многих возникает даже сомнение, можно ли вообще говорить о монгольской литературе»⁹.

Чтобы опровергнуть подобные представления, он и написал статью «Монгольская литература». Обрисовав положение старой монгольской литературы, Б.Я.Владимира дальше писал: «Итак, значит, предстоит решить вопрос, существует ли монгольская литература, можно ли признать за произведениями монгольской письменности право называться литературными? Правильный ответ на этот вопрос может дать только тот, кто ближе познакомится с монголами за все времена их исторического существования»¹⁰.

«Внимательный наблюдатель, — продолжал Борис Яковлевич, — откроет тогда любопытный мир, откроет особую литературу, и именно литературу, а не письменность, только кочевого народа, развивающуюся в совершенно особых, незнакомых культурным народам Европы и Азии условиях»¹¹. Таким

⁹ Владимирцов. Монгольская литература, с. 90. См. наст. изд., с. 58.

¹⁰ Там же, с. 93. См. наст. изд., с. 60.

¹¹ Там же.

внимательным наблюдателем и оказался Б.Я.Владимирцов. Пользуясь предложенным им методом, он открыл литературу кочевников-монголов и показал ее особенности.

Тот факт, что монгольская литература была создана кочевниками-скотоводами, Борис Яковлевич считал необходимым подчеркнуть особо: «Мы знаем, — писал он, — чрезвычайно мало примеров появления у кочевых, настоящих кочевых, народов национальной литературы, и монголы представляют в этом отношении любопытнейшее исключение»¹².

В типологическом отношении старая монгольская литература не представляет чего-либо исключительного, она развивалась так же, как и литература других народов аналогичной в социально-экономическом отношении эпохи. Тем не менее во многих ее произведениях легко обнаружить и специфические черты, свидетельствующие о том, что авторы этих произведений связаны с кочевниками-скотоводами. Это относится к легендам, преданиям, историческим рассказам, а в еще большей мере — к произведениям афористической поэзии.

Одним из первых Б.Я.Владимирцов поставил вопрос о национальной самобытности монгольской литературы. Он писал, что при огромной роли в ней иноязычных письменных традиций монгольская литература, «оказывается, удовлетворяет известным запросам монгольской души»¹³, и в том заключается ее значение как национальной традиции словесного искусства. «Народная монгольская душа, ее чаяния, идеалы и вкусы выявляются не только в тех или других оригинальных литературных произведениях, но и в подборе переводов, в переложении на свой родной язык, усвоении и употреблении заимствованного чужого», — утверждал Б.Я.Владимирцов¹⁴.

«Но, кроме того, — писал Борис Яковлевич дальше, — литература монголов вызывает особый, специальный интерес. Дело в том, что к монголам попали из Тибета и Китая ряд памятников мировой литературы, ряд литературных произведений, которые в других формах, в других редакциях и вариантах стали широко известны во многих странах Запада и Востока»¹⁵.

Действительно, такие произведения мировой литературы монголам известны. Несомненно, рассказы о Раме, «Облако-вестник» Калидасы и некоторые другие памятники на монгольском языке способны серьезно заинтересовать индийских ученых. «Монгольская литература сохранила несколько памятников индийской литературы, которые в самой Индии или исчезли совершенно, или сохранились уже в совершенно другой форме; почему монгольские версии оказываются чрезвычайно важными для восстановления первоначальных черт литературного сказания, возникшего когда-то в далекой и жаркой стране?»¹⁶ — писал Б.Я.Владимирцов.

Работа в этом направлении сулит литературоведам много интересного. Монгольские филологи уже ведут работу в этой области. Рамаяна стала пред-

¹² Там же, с. 101.

¹³ Там же, с. 101–102. См. наст. изд., с. 66.

¹⁴ Там же, с. 102.

¹⁵ Там же, с. 102. См. наст. изд., с. 67.

¹⁶ Там же.

метом исследования монгольского академика Ц.Дамдинсурэна¹⁷. Занимался Ц.Дамдинсурэн поэмой «Облако-вестник» Калидасы, а равно и некоторыми другими памятниками индийской литературы.

Представляют большой интерес высказывания Владимирцова и по поводу других проблем, к числу которых прежде всего относится вопрос о времени возникновения монгольской литературы.

Для решения этого вопроса необходимо установить, когда же предки нынешних монгольских народов приобрели письменность. Бесспорным остается то положение, что письменность ими была заимствована у уйгуров, а когда это произошло, точных данных у нас нет. Автор статьи «Монгольская литература» писал, что «во второй половине двенадцатого и в начале тринадцатого века среди монголов стала употребляться грамота, заимствованная у уйгуров»¹⁸.

Поскольку с письменностью монголы познакомились в самом начале XIII в., по всей вероятности, и первые произведения их литературы относятся примерно к этому же времени. О начале деятельности монголов на этом новом для них поприще в известных литературных и исторических памятниках никаких сведений нет. Самый древний из дошедших до нас памятников, «Монголын нууц товчоо» («Сокровенное сказание»), был написан в 1240 г. Правда, эта дата некоторыми исследователями оспаривается на том основании, что разные части этого произведения писались, судя по стилю, в разное время.

Какой-то резон в таких сомнениях безусловно имеется. Внимательный читатель обнаружит на страницах этого замечательного памятника старой монгольской литературы не очень хорошо скрытые швы в его ткани. Создается впечатление, что «Сокровенное сказание» составлено из различных произведений (легенды, предания, исторические рассказы, традиционные родословные и т.п.), многие из которых созданы народными талантами задолго до 1240 г. Не исключено, что какое-то количество этих произведений бытовало в конце первой половины XIII в. уже в письменном виде. Вот этими-то устными и, возможно, письменными источниками и пользовались составители «Сокровенного сказания».

Одно время между Б.Я.Владимирцовым и В.В.Бартольдом велся спор о жанровой принадлежности «Сокровенного сказания». Точка зрения автора статьи «Монгольская литература» сводится к следующему: «„Сокровенное сказание“ — не „история“ и не летопись, его ни в коем случае нельзя поставить в ряд подобных произведений; это эпическое, богатырское сказание, любопытнейший образчик степного эпического творчества...»¹⁹.

Однако и «богатырским сказанием» в полной мере, по мнению Бориса Яковлевича, этот памятник назвать нельзя. «Давая такое определение „Сокровенному сказанию“, — продолжает он, — его нельзя все-таки назвать настоящей эпopeей; это не монгольская Илиада, для этого оно слишком исто-

¹⁷ См.: Дамдинсурэн. «Рамаяна» в Монголии.

¹⁸ Владимирцов. Монгольская литература, с. 93. См. наст. изд., с. 60.

¹⁹ Там же, с. 94. См. наст. изд., с. 61.

лично, местами слишком прозаично, вообще переработано с очевидной целью стать „историей Чингис-хана“²⁰.

Авторы «Сокровенного сказания», приступая к работе, отталкивались от очень древних традиций монголов. Уместно вспомнить сообщение Рашид ад-дина о том, что знание своей родословной считалось у монголов совершенно обязательным. В течение многих веков эти родословные передавались из уст в уста, а с появлением письменности их стали записывать. И «Сокровенное сказание» представляет собой родословную Чингиса или же, по выражению Б.Я.Владимирцова, «заветное предание дома Чингис-хана». «Предание» это было наполнено различными рассказами, легендами, поговорками, поэтическими описаниями, которые и придали ему эпический характер.

К числу больших заслуг Б.Я.Владимирцова следует отнести введение периодизации истории старой монгольской литературы. В статье «Монгольская литература» он устанавливает следующие периоды: 1) эпический (XII–XIV вв.), 2) «темный» (XV–XVI вв.) и 3) «буддийский» (XVII–XX вв.). (Кавычки при надлежат Б.Я.Владимирцову.) Можно соглашаться или не соглашаться с подобной периодизацией в целом или с отдельными ее частями, но нельзя не признать, что в то время (1920 г.) она явилась новым словом в науке.

Выделение эпического периода можно признать закономерным, если иметь в виду период зарождения монгольской литературы. Действительно, первые произведения монгольской литературы тесно связаны с эпическими произведениями древнего устного поэтического творчества. И зависимость зарождающейся литературы от древнего фольклора устанавливается, как это показывают более поздние исследования, довольно легко.

В какой-то мере оправданно и выделение так называемого темного периода, поскольку в эпоху, последовавшую за падением Юаньской династии, действительно наблюдался известный упадок, утрата некоторых культурных ценностей. Тем не менее в настоящее время этот период не кажется столь темным, как полагали наши предшественники. Да и сам Борис Яковлевич считал, имея на то достаточные основания, что эпические традиции жили и в период, последовавший за эпохой «Сокровенного сказания».

Литературная жизнь в XV–XVI вв. действительно не замирала. В этот период сохранялись произведения, созданные монгольскими литераторами в эпоху «Сокровенного сказания», создавались новые. Из последних сохранились и дошли до наших дней «Легенда о Мандхай-сэцэн-хатан», «Магталь шести монгольским тумэнам Даян-хана», исторические рассказы об Эльбэг-хане, Адай-хане и других правителях халхасов и ойратов. К 80-м годам XVI в. относится повесть об Убashi-хунтайджи. Не прерывалась в XV–XVI вв. традиция летописания. Безвестные авторы продолжали дело, начатое еще лицами, создавшими «Сокровенное сказание». А их трудами пользовались авторы XVII в., наиболее богатого историческими сочинениями.

Название следующего периода Борис Яковлевич, как уже отмечалось, заключил в кавычки, желая, по всей вероятности, подчеркнуть его условность. Разумеется, буддийским его можно назвать лишь с большими оговорками.

²⁰ Там же.

Да, в XVII в. и последующих веках в Монголии получила довольно широкое распространение переводная духовная литература и сами монгольские авторы стали создавать произведения такого рода, подражая иноземным образцам.

И еще одно существенное обстоятельство характеризует монгольскую литературу рассматриваемого периода. Б.Я.Владимирцов отмечает тот факт, что вместе с духовной литературой в Монголию из Тибета и через Тибет проникали произведения светского содержания. Он отмечает тибетскую Гэсэриаду, различные сборники индийских рассказов, сборник афоризмов «Субашида» тибетского автора XIII в. Сакья-пандиты и др. Переводили монголы и с китайского языка. Причем перечень произведений, данный Б.Я.Владимирцовым, можно было бы пополнить и другими.

Установление литературных связей имело благоприятные последствия для монгольской литературы. Знакомство монголов с произведениями других литератур способствовало дальнейшему развитию национальной словесности. Однако роль переводной литературы, светской и духовной, не следует переоценивать. Заявление Б.Я.Владимирцова о том, что монгольская литература стала «как бы тибетской литературой второго сорта», не кажется убедительным. Именно соединение древних эпических традиций и индо-тибетской литературы, пришедшей с буддизмом, и формировало монгольскую литературу этого периода.

Хочется сказать несколько слов по поводу заявления Б.Я.Владимирцова о том, что китайские романы заставляли монголов «забывать свои богатырские эпopeи и буддийские повести-сказки»²¹. Следует учитывать, что китайские романы, как и переводная литература вообще, были достоянием сравнительно узкого круга грамотных людей, народные массы были мало с ними знакомы. По всей вероятности, китайские романы находили своего читателя среди монголов, как и буддийские повести и сказки. Однако свои богатырские эпopeи они все же не забывали, о чем свидетельствует хотя бы довольно богатая коллекция ойратских былин, собранная и опубликованная Б.Я.Владимирцовым.

Так выглядит периодизация истории старой монгольской литературы, предложенная Б.Я.Владимирцовым свыше пятидесяти лет назад. Как уже говорилось, она нуждается в определенных уточнениях, но основа ее и сейчас не вызывает серьезных возражений.

Известно, что Борис Яковлевич в равной степени интересовался литературой и фольклором монгольских народов. Нет поэтому ничего удивительного в том, что его внимание привлекала и проблема взаимоотношений фольклора и литературы монголов. Последняя же находилась на той стадии развития, когда связь ее с народным устным поэтическим творчеством давала о себе знать на каждом шагу.

Наиболее четко свои взгляды на эту проблему Б.Я.Владимирцов выразил в небольшой работе, посвященной высеченному на скале стихотворению

²¹ Владимирцов. Монгольская литература, с. 111. Наст. изд., с. 74. См. также: Неклюдов-Рифтин. Новые материалы, с. 141–147.

Цогту-тайджи²². Да и само стихотворение не относится к числу крупных по объему произведений монгольской поэзии. Тем не менее и в такой небольшой работе автор высказал ряд любопытных соображений. Разбор его Б.Я.Владимирцов начинает с заявления о том, что лирическое стихотворение этого автора «построено по образцу монгольских лирических песен». Оно, как и большинство лирических песен монголов, продолжает Борис Яковлевич, «разделяется на четверостишия, причем каждое четверостишие, отмеченное формальными признаками, представляет собой законченное предложение, логическое и грамматическое»²³. К сказанному Б.Я.Владимирзовым можно было бы добавить, что с народной песенной поэзией стихотворение Цогту-тайджи роднят и параллелизмы, встречающиеся в пяти четверостишиях из семи.

Далее Б.Я.Владимирцов обратился к стихотворной рифме, которой он называет начальную аллитерацию или единоначатие. По этому поводу Борис Яковлевич пишет следующее: «...что касается рифмы — как всегда в монгольских стихах и песнях в начале, — то можно наблюдать два случая. Или одинаковую рифму имеют все четыре стиха... или же одинаковую рифму имеют два стиха»²⁴.

«В том случае, если рифмующееся слово начинается на гласный, принимается во внимание для рифмы только один гласный... если же рифмующееся слово начинается с согласной, то рифма строится по слогу»²⁵. И в этом отношении Цогту-тайджи оставался верным национальным традициям, используя приемы, свойственные фольклорной поэзии. Как и в народной поэзии, в стихотворении Цогту-тайджи наблюдается известная непоследовательность при аллитерировании начальных слогов соседних строк. И мимо этого явления Борис Яковлевич не прошел, заметив, что «Цокту-тайджи так же, как и монгольские народные песни, рифмует при этом слова, начинающиеся не только на совершенно идентичные звуки, но и на звуки, более или менее близкие»²⁶.

Анализ стихотворения Цогту-тайджи занимает в статье Бориса Яковlevича немногим больше двух страниц, тем не менее там высказано много интересных суждений. Как бы подводя итоги, автор статьи пишет: «В общем стихотворение Цокту-тайджи напоминает нам один определенный тип произведения старой монгольской письменности: народную песнь, попавшую в книгу и получившую поэтому книжный, письменно-монгольский облик»²⁷.

Вопроса о влиянии фольклора на творчество старых монгольских писателей касается Б.Я.Владимирцов и в других своих работах. В статье «Монгольская литература» он говорит о влиянии древнего былинного эпоса на составителей «Сокровенного сказания». Прослеживается такое влияние

²² Статья Б.Я.Владимирцова «Надписи на скалах халхасского Цокту-тайджи», как посвященная преимущественно проблемам исторического характера, помещена в издании: *Владимирцов. Работы по истории*, с. 221–271.

²³ Надписи на скалах. Ст. I, с. 1262; *Владимирцов. Работы по истории*, с. 230.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, с. 1262; *Владимирцов. Работы по истории*, с. 231.

²⁶ Там же, с. 1263; *Владимирцов. Работы по истории*, с. 231.

²⁷ Там же.

и в последующие века. Говоря о живучести эпических традиций, Б.Я.Владимирцов ссылается на повесть о набеге Убashi-хунтайджи на ойратов, относящуюся к концу XVI в. Не будет большой ошибкой, если скажем, что первоначально это произведение представляло собой подобие исторической песни, а позже было записано и приобрело вид воинской повести.

Обратил Б.Я.Владимирцов внимание и на еще одно любопытное обстоятельство, свидетельствующее о силе влияния фольклора на развитие литературы не только светской, но и духовной. Указав на наличие у монголов большого количества переводов, Б.Я.Владимирцов переходит к обзору произведений оригинальной литературы. По поводу произведений житийного жанра он пишет: «Как исторический материал все эти сочинения, надо сказать, лишины почти всякого значения, но зато они представляют значительный интерес с точки зрения этнографической, фольклорной в частности»²⁸. Особо выделяет Борис Яковлевич «Жизнеописание ургинских хутухт», «потому что оно подчас сообщает любопытные легенды, хорошо рисующие круг интересов и верований монгольского простонародья»²⁹.

Так представлялись Б.Я.Владимирцову связи старой монгольской литературы и фольклора. Последующие публикации произведений фольклора и литературы, а равно и труды монголистов-литературоведов дали новые доказательства справедливости суждений его, о чем частично уже говорилось.

Кказанному следует добавить, что в старое время имели место и обратные влияния, наблюдались случаи перехода некоторых произведений в сферу фольклора. А так как подобные метаморфозы претерпевали чаще всего переводные произведения, речь об этом лучше вести при рассмотрении связей старой литературы с литературой Индии, Китая, Тибета, Ирана.

Как известно, Борис Яковлевич занимался исследованием как оригинальной, так и переводной литературы. Среди кардинальных проблем, которые ставил и решал в своих литературоведческих трудах наш выдающийся монголовед, видное место занимает и проблема литературных связей и влияний.

Выше уже говорилось о произведениях индийской, тибетской и китайской литератур, проникавших в разное время к монголам. Переводились художественные произведения самого различного характера и приобретали в новых для них условиях как бы новую жизнь. В руках переводчиков и переписчиков тексты претерпевали изменения, случалось, что изменялись и названия, и разночтения между различными версиями иной раз бывали значительными.

Некоторые же заимствованные произведения становились принадлежностью фольклора. В устной традиции эти произведения подвергались, что вполне естественно, еще большей переработке.

О монголо-иранских литературных связях данных имеется мало. Известно упоминание о том, что в XIV в. переводилась на монгольский язык персидская обрамленная повесть «Калила и Димна». Однако текст этот не сохра-

²⁸ Владимирцов. Монгольская литература, с. 109. Наст. изд., с. 72.

²⁹ Там же.

нился. Обнаружены обрывки ксилографа с переводом на монгольский язык романа об Александре, а о языке оригинала нет никаких сведений. Возможно, перевод осуществлен с персидского текста. Имеются, наконец, данные о существовании монгольского перевода персидского романа «Бахтиар-наме», самого же текста мы не имеем.

При подобных обстоятельствах очень трудно составить более или менее четкое представление о взаимоотношениях монгольской и персидской литературы. С уверенностью можно сказать лишь об использовании Рашид ад-дином монгольских источников. Внимание Б.Я.Владимирицова привлек, правда, персидский эпос «Шах-наме». В предисловии к переводу ойратских былин он писал: «Уже теперь мы можем с большей долей вероятности предполагать влияние персидского эпоса „Шах-намэ“ на „Джангираду“». Основание же для подобного предположения Борис Яковлевич видел в том, что «само имя Джангар есть заимствованное персидское Джехан-гир»³⁰.

Однако свое предположение Б.Я.Владимирицов не успел надлежащим образом обосновать, не нашла эта идея признания и у последующих исследователей, предположение так и осталось предположением.

Литературные связи с Китаем у монголов были более тесными. В статье «Монгольская литература» говорится о большей популярности в Монголии китайских романов. О влиянии же китайской литературы на поэтическое творчество монголов Б.Я.Владимирицов писал: «Китайские романы, которые всегда передаются превосходным и легким монгольским языком, привлекают монголов прежде всего своей фабулой, заставляя их забывать свои богатырские эпопеи»³¹.

Если в произведениях фольклора монгольских народов до сих пор никто не обнаружил следов влияния персидской литературы, то с китайским влиянием дело обстояло несколько иначе. Тот фрагмент романа «Речные заводи», в котором описывается жестокая схватка героя со страшным тигром, своим героическим сюжетом пришелся по душе внутренним монголам, и известный сказитель Пажай пересказал его включил в свой репертуар.

Известны и другие факты подобного рода. Можно сослаться на знаменитого Лувсан-хурча, выходца из Внутренней Монголии, который тоже принадлежал к числу последователей этой традиции.

Больше всего Б.Я.Владимирицова занимали индо-тибетские влияния. Интерес к этой проблеме следует считать вполне закономерным, если учесть общий объем литературы, переведенной с санскрита и тибетского языка. Переводов с санскрита было, вероятно, не так-то много, переводчики чаще обращались к тибетским оригиналам, часть которых восходит к произведениям индийской литературы.

В общем потоке произведений индийских и тибетских авторов, шедшем из страны Далай-ламы и Панчен-богдо, Б.Я.Владимирицов обнаружил две различные струи. Он считал, что из Тибета к монголам проникла буддийская литература и тибетская литература, не знавшая эгиды буддийского монастыря.

³⁰ Владимирицов. Монголо-ойратский эпос, с. 21. Наст. изд., с. 338.

³¹ Владимирицов. Монгольская литература, с. 111. Наст. изд., с. 74.

О влиянии первой на развитие монгольской литературы Б.Я.Владимира писал неоднократно. Уместно вспомнить то место его предисловия к переводу ойратских былин, где говорится о буддийском налете в произведениях героического эпоса этого народа. И применительно к произведениям светской литературы монголов можно говорить о таком же налете.

На авторов же оригинальных духовных произведений буддийская литература оказала сильное влияние. Среди таких произведений встречались и пересказы, и переделки, и подражания иноземным образцам. В статье «Монгольская литература» отмечалось, что «жизнеописание Нейджи-тойна написано... согласно тибетским шаблонным жизнеописаниям буддийских святителей»³².

Писал Б.Я.Владимира о популярности различных индийских сборников. Их обнаруживали в различных местах Монголии, зафиксированы и устные пересказы отдельных индийских рассказов. Калмыки же, воспользовавшись рамкой сборника «Волшебный Мертвец», создали свой цикл «Седклин күр» («Душевный разговор»).

Все это справедливо, тем не менее индийские рассказы и сказки не уничтожили, как полагал Б.Я.Владимира, национальную сказку, не отодвинули ее на задний план. Подобные представления о силе влияния индийских сказок и рассказов обусловлены тем, что во времена Б.Я.Владимира было мало публикаций сказок монгольских народов, а индийские сборники действительно имели в Монголии широкое распространение.

В заключение нельзя не сказать, что Б.Я.Владимира за свою в общем-то очень короткую жизнь часто выступал и в роли редактора, и в роли переводчика, и в роли рецензента. Вместе с нашими выдающимися востоковедами С.Ф.Ольденбургом, И.Ю.Крачковским и В.М.Алексеевым он входил в состав редколлегии серии «Восток» издательства «Всемирная литература». В течение нескольких лет эта редакция осуществила ряд интересных публикаций произведений литературы Востока.

Лучше всего Б.Я.Владимира как редактора характеризует «Очерк монгольской литературы» Б.Лауфера. Учитывая скучность материалов, которыми располагали в то время монголисты-литературоведы, он решил издать этот труд по-русски. При этом редактор исходил из того, что данная работа «появилась в печати двадцать лет назад и до сих пор остается незамененной»³³, хотя за это время «монголоведение сделало значительный шаг вперед»³⁴.

Естественно, что-то в труде Б.Лауфера устарело, что-то нуждалось в уточнении, необходимо было заполнить какие-то пробелы и т.п. Устаревшие положения автора редактор оговорил в своем предисловии. Главный пробел «Очерка» заключался в том, «что многие явления монгольской литературы остались вне поля зрения Бертольда Лауфера, потому что он не был знаком с самыми богатыми хранилищами монгольских рукописей и ксило-

³² Владимира. Монгольская литература, с. 109. Наст. изд., с. 72.

³³ Лауфер. Очерк монгольской литературы, с. I. Наст. изд., с. 541.

³⁴ Там же, с. II. Наст. изд., с. 541.

графов: с Азиатским музеем АН СССР и с библиотекой Ленинградского университета»³⁵.

Этот серьезный пробел Б.Я.Владимирцов заполнил, предпослав переводу библиографический список важнейших работ, не учтенных Б.Лауфером. Тем самым редактор продлил жизнь хорошего труда этого автора еще на двадцать с лишним лет.

Много внимания уделял Б.Я.Владимирцов переводам. Кроме указанных выше опубликованы его переводы легенды об Амарсане и сочинения Парчиана о Джя-ламе, выдававшем себя за перевоплощение последнего, легенда о происхождении дэрбэтских князей, шаманских призывов, «Рассказ о волшебстве», «Из лирики Миларайбы». К числу крупных переводов Бориса Яковлевича относятся «Монгольский сборник рассказов из Рајcatantra» и «Волшебный Мертвец». О высоких достоинствах перевода ойратских былин уже говорилось. И другие переводы Б.Я.Владимирцова относятся к тому же времени и отличаются столь же высокими достоинствами.

Говорить о каждой рецензии Б.Я.Владимирцова в отдельности не представляется возможным, отметим в них лишь то, что эти работы свидетельствуют о широте интересов их автора. Его внимание привлекали тибетская литература, литература и сказки Индии, японская литература и фольклор, персидские сказки, литература Лаоса, китайские буддийские сказания и т.д.

Борис Яковлевич много сделал для ознакомления своих коллег с новыми материалами по монголистике. О предисловии его к труду Б.Лауфера уже говорилось. Столь же полезными были и его краткое описание тибетских и монгольских собраний Азиатского музея, описание монгольских рукописей и ксилографов, поступивших в Азиатский музей от А.Д.Руднева, «Библиография монгольской сказки». В этот же ряд можно поставить и его рецензию «Новый труд по монгольской народной литературе». Да и во многих других трудах Бориса Яковлевича имеется богатый материал такого рода.

Общеизвестно, что Борис Яковлевич трудился во всех областях монголоведения и в каждой добился больших успехов, оставил нам основополагающие труды. Со дня выхода его последнего труда прошло много лет. Тем не менее все его работы сохраняют до сих пор свою ценность. Не составляют исключения и труды Б.Я.Владимирцова по литературоведению и фольклористике. Пусть публикуемые в данном издании работы Б.Я.Владимирцова послужат материалом для творческой научной работы во всех областях монголоведения.

Г.И.Михайлов

³⁵ Там же, с. I. Наст. изд., с. 541.

Содержание

От редакционной коллегии	3
Литературоведческие и фольклористические труды Б.Я.Владимирцова	5
Легенда о происхождении дэрбэцких князей	18
Новый труд по монгольской народной литературе	21
Библиография монгольской сказки	29
Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский музей	
Российской Академии наук от профессора А.Д.Руднева	35
Religio Buddhica	39
Gnomica, Didactica	40
Religio Christiana	44
Narrationes	45
Grammatica	47
Historica	47
Documenta	49
Varia	49
<Азиатский музей РАН. 1818–1918. Краткая памятка. Пг., 1920, с. 74–86>	50
Тибетский фонд	50
Монгольский фонд	52
Mongolica polyglotta	56
Монгольская литература	58
Монгольский сборник рассказов из Раңcatantra	77
Введение	80
К изданию текста	
(о трех периодах развития монгольского письменного языка)	110
Монгольский текст MS. Burd.	129
Примечания к тексту	158
Перевод	174
I. Женщина и лиса	174
II. Kalandaka и ястреб	175
III. Мать врача и нищий монах	176
IV. Бог луны (Candradeva), бог солнца (Sūryadeva) и Rāhu	178
V. Вши и блоха	181
VI. Обезьяна и kalandaka	182
VII. Мыши и кот-наставник	183
VIII. Брахман Најаңтаи, роняющий жемчуг изо рта, и порочная царица	185

IX. Обезьяна и черепаха	188
Х. Лев и заяц	191
XI. Слон и мыши	192
XII. Благодарные животные и неблагодарный человек	193
XIII. Синяя лиса (шакал)	195
XIV. Черепаха и птицы	197
XV. Колодезная лягушка	199
XVI. Царевич и сын брахмана	200
XVII. Царь, царица, сановники и отшельник, рассказ о четырех добродетельных животных	201
Список монгольских слов, встречающихся в тексте MS. Burd., неизвестных нашим словарям	203
Из лирики Миларайбы	205
Рассказ о волшебстве	208
Рецензии	211
«Классики Востока»	211
«Индийские сказки»	218
Persian Tales written down for the first time in the original Kermáni and Bakhtiári and translated by D.L.K.Lorimer and E.O.Lorimer with illustrations by Hilda Roberts; Macmillan and Co., Lmd., London 1919.	221
Sino-Iranica, Chinese Contributions to the History of Civilization in Ancient Iran, with Special Reference to the History of Cultivated Plants and Products by Berthold Laufer, Curator of Anthropology, Field Museum of Natural History, Publication 201, Anthropological Series, vol. XV, № 3, The Blackstone Expedition, Chicago, 1919.	222
L.Finot. Recherches sur la littérature laothienne. Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient, XVII, № 3, 1917.	223
Romances of Old Japan, Rendered into English from Japanese Sources by Madame Yukio Ozaki, London: Simpkin, Marshall, Hamilton, Kent and Co., Ltd. (278 стр.)	224
The Folk-Literature of Bengal, by Rai Saheb Dineschchandra Sen, B.A., with a Foreword by W.R.Gourlay, published by University of Calcutta. 1920 (IX + 362 стр.).	225
Волшебный Мертвец. Монголо-ойратские сказки	227
Предисловие	229
Вступление. Семь волшебников и царевич	232
Сын богача	235
Царевич и его друг министр	237
Беломордый бычок	241
Знахарь со свиной головой	245
Царевичи Нарани-Герель и Сарани-Герель	250
Ловкий гордец и царь	254
Имеющий птичью оболочку	256
Ананда-плотник и Ананда-живописец	258
Девушка-похитительница сердца	260
Муж и жена	262
Девушка Алтан-Зула	264
Царь Кюкен-Седкильто	267
Сын брахмана, ставший царем	268
Два брата	272
Царевич и сын ministra	275
Царица Энгэтию-Наран	277

Содержание

607

Старуха и старик	285
Глупец — сын богача	287
Сын заклинателя	289
Лев и бык	292
Мудрый заяц	293
Царь с ослиными ушами	295
Дурачок	297
Черт с мешком и человек с ведром	300
Чары гор Малайя	302
Пляшущая лягушка и говорящий попугай	303
Библиография	308
Тибетские театральные представления	310
Монголо-ойратский героический эпос	323
Предисловие	325
Бум-Ердени, лучший из витязей, сын Бурхан-хана и Бурам-ханши	369
Дайни-Кюрюль	408
Киггийн-Кийтюн-Кээ-Тэмюр-Зеве	482
Егиль-Мерген	493
Ергиль-Тюргюль	504
Шара-Бодон	517
Глоссарий	534
Монгольский Данджур	536
Предисловие к книге Б. Лауфера «Очерк монгольской литературы»	541
Введение: каталоги, очерки литературы	543
Пособия к изучению монгольского языка	544
Письмо	546
Книгопечатание	546
Старые литературные памятники	546
Новейшие надписи	547
Историческая литература	547
Географическая литература	548
Шаманская литература	548
Буддийская литература	548
Китайская литература	549
Дидактическая литература	550
Народная литература	550
Юридическая литература	551
Медицинская литература	552
Приложения	553
Библиографическая справка	555
Сокращения	
(периодические издания, сборники, названия учреждений)	557
Библиография (цитированная литература)	560
Указатель имён	587
Указатель географических и топографических названий	595
Указатель этнических названий	599
Указатель названий сочинений	601

Научное издание

**Владимирцов
Борис Яковлевич**

**РАБОТЫ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ**

Художник Э.Л.Эрман

Технический редактор О.В.Волкова

Корректор Н.Н.Щигорева

Компьютерная верстка Е.В.Катышева

Подписано к печати 19.08.03

Формат 70×100¹/₁₆

Печать офсетная

Усл. п. л. 49,4. Усл.-кр.-отт. 49,9

Уч.-изд. л. 48,5. Тираж 1000 экз.

Изд. № 7918. Зак. № 8376

Издательская фирма

«Восточная литература» РАН

127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП "Типография "Наука"

121099, Москва Г-99, Шубинский пер, 6

ISBN 5-02-018185-4

9 785020 181854 >